

Независимая газета

Что стоит за верой в Бога?

Религия может выступать как замена нравственности, а не как ее источник, считает профессор Дмитрий Фурман

2007-06-06 / Станислав Минин

Институт Европы РАН совместно с Институтом Евангелической Церкви Финляндии выпустил сборник статей по социологии религии в современной России. Книга носит название «Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие». Корреспондент «НГР» встретился с одним из редактором сборника, профессором Института Европы Дмитрием Фурманом. Разговор касался как самого издания, так и общих проблем, связанных с исследованием религиозности россиян.

– Дмитрий Ефимович, в 2000 году вы вместе с профессором Киммо Каарияйненом редактировали сборник «Старые церкви, новые верующие». Чем нынешнее издание отличается от своего фактического предшественника? И с чем связан интерес финских ученых к религиозной жизни в современной России?

– Насколько я понимаю, распределяя гранты между учеными разных стран, в Брюсселе и Страсбурге решили, что раз Финляндия была когда-то частью Российской империи, то финнам с нами и разбираться. В результате в Финляндии за последние годы сложилась мощная русистика, одним из результатов которой стал и наш проект.

Со времени выхода нашей предыдущей книги мы провели несколько опросов, желая обновить данные, полученные в 90-е годы. Наша совместная статья с Киммо Каарияйненом «Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века», по сути, написана заново, заимствована лишь часть материала аналогичной статьи из сборника 2000 года. Претерпел серьезные изменения текст о религии в Татарстане, добавились статьи Николая Митрохина и Анатолия Красикова.

– Результаты социологических исследований, проводившихся в СССР, показывали, что советские люди преимущественно атеисты. В свою очередь, в начале 90-х многие россияне, отвечая на вопросы социологов, утверждали, что религия не чужда им с детства, что они воспитывались в религиозных семьях и так далее. В новой книге вы делаете любопытный вывод: ни тогда, ни сейчас респонденты не обманывали ученых...

– Дело в том, что по своей структуре массовое сознание кашеобразно, особенно если мы говорим о тоталитарном обществе. Ответ предполагает вопрос. Если вопрос не может быть задан или предполагает стереотипный ответ, то ясного ответа на него в вашем сознании быть не может.

Невозможно сказать, например, сколько людей в СССР верили в коммунистическую идеологию. Они и верили, и не верили.

Также невозможно реконструировать религиозное сознание советской эпохи. Говоря о воспитании в религиозных семьях в советское время,

многие респонденты заново создают свое прошлое, и проверить их ответы довольно сложно. Можно, конечно, спросить у них имена евангелистов. Факт крещения мало о чем говорит: в СССР очень часто крестили «на всякий случай».

Сейчас на вопрос «верите ли вы в Бога?» многие отвечают утвердительно. «Я верю в Бога» – стереотипный ответ, связанный с тем, что в России религия играет идеологическую роль. Но стоит копнуть глубже, как выясняется, что религиозность россиян аморфна и хаотична.

– Получается, одними опросами и интервью картину религиозности россиян не прояснить. Необходим анализ их повседневного поведения...

– Конечно. Опрос дает нам цифры, которые что-то означают. Что именно они означают – загадка, которую ученый призван разгадать. Мы задаем респондентам большое количество вопросов. При этом, заявляя о своей вере в Бога, респондент может, например, сказать, что не верит в воскресение Христа или не считает необходимым давать детям религиозное образование. Почему он ответил так, а не иначе, нужно разбираться.

– Может быть, этика – та лакмусовая бумажка, которая позволяет определить, религиозен человек или нет?

– Это очень интересная проблема, которой хотелось бы посвятить отдельное исследование. Влияет ли религиозность на этику? Возьмем универсальную этическую максиму, например запрет на убийство, и увидим, что в «религиозном» Афганистане убивают гораздо чаще, чем в «секулярной» Европе, а в секуляризованной Скандинавии заповеди соблюдают чаще, чем в «религиозных странах». В массиве полученных нами ответов респондентов прямой связи между декларируемой религиозностью и моральными нормами не прослеживается. Растет число религиозных людей, но вместе с тем россияне все более снисходительны, скажем, к взяточничеству.

Как ни парадоксально это прозвучит, но религия может и негативно влиять на мораль. Иногда религия выступает не как источник нравственности, а как замена нравственности. Человек грешит, но, посещая церковь, думает, что он лучше, чем есть на самом деле. Неверующий же остается со своими грехами наедине, у него нет легкого способа их нивелировать.

– Существует, например, определенный набор православных этических максим. При этом часть опрошенных вами духовенства Русской Православной Церкви (РПЦ) почему-то не дает ожидаемых ответов на вопросы, касающиеся морали. Скажем, лишь 93% опрошенных однозначно осудили аборт. А что же остальные?

– Духовенство РПЦ, как выяснилось, отвечает «не знаю» на все мыслимые вопросы чаще, чем даже наименее культурные и образованные слои российского общества. Здесь работает психологический фактор: духовенство боится самостоятельности, нестереотипных ответов. Исследование, которое мы провели совместно с профессором Каарияйненем, в нашем новом сборнике дополняет статья Николая Митрохина. Он отмечает, что для РПЦ характерен бюрократический тип карьеры. На поверхность поднимаются скромные, исполнительные «парни с

рабочих окраин», люди молчалинского типа, склонные к полному подчинению начальству.

– В книге вы анализируете религиозность трех элит: политической, экономической и «элиты СМИ». И получается, что журналисты – самые религиозные. С чем это связано?

– Среди журналистов больше интеллигенции, которой свойственно задумываться над смыслом жизни, мировоззренческими вопросами. При этом религиозность «элиты СМИ» менее формальна, чем религиозность политиков и бизнесменов.

Впрочем, если бы нам удалось расширить список опрашиваемых элит, журналисты едва ли оказались бы самыми религиозными. Артистическая, художественная элита опередила бы их.

– В статье, посвященной религиозности в России на рубеже веков, приводятся примечательные цифры, отражающие отношение россиян к исламу. В период с 1996 по 2006 год здесь не обнаруживается заметных колебаний. Означает ли это, что война в Чечне, теракт 11 сентября, захват заложников в Беслане и на Дубровке не повлияли на восприятие ислама и мусульман в России?

– Именно так, на массовое сознание эти события не оказали существенного воздействия. Чем это объяснить? Мне кажется, речь идет о толерантности, восходящей своими корнями к имперским временам. Сегодня, по сути, воспроизводится имперская картина мира, в рамках которой у таких религий, как ислам или иудаизм, в России было свое скромное место. Нетолерантность же относится ко всему новому, к тому, что может эту картину мира разрушить.